

Синдром Пушкина

Гончарова Полина родилась в год, когда вся мировая культурная общественность отмечала двухсотлетие со дня рождения того, чей свет впоследствии будет освещать её жизнь яркими красками, каждый раз новыми и неожиданными.

Да и как могло обойтись без Пушкина в семье девочки с такой фамилией, тем более маму которой звали Натальей? Гончарова-старшая не пела дочери колыбельных, она читала стихи. Читала шёпотом и нараспев, читала вдохновенно и с восторгом. Наконец-то она нашла благодарного слушателя! Полину убаюкивала музыка пушкинского слога, гармония звуков и теплота родного голоса. Каждый вечер прекрасная Царевна-Лебедь, пролетая над колыбелью, задевала её своим нежным крылом. Шумел могучий дуб зелёный, качалась на его ветвях Русалка, и невиданные звери оставляли свои следы на неведомых дорожках.

К трём годам Полина считала Александра Сергеевича чуть ли не своим родственником и знала наизусть «Письмо Татьяны к Онегину». Сам Пушкин представлялся ей белокуром принцем с огромными голубыми глазами, пухлыми губками и румянцем во все щёки.

Каждое утро мама расчёсывала и заплетала в косы длинные волосы своей дочери, и чтобы малышка стояла смирно, читала ей стихи, все какие знала. Чем длиннее становились волосы, тем длиннее становились стихи. Многих слов Полина не понимала, но она видела, как светятся в это время глаза матери, прислушивалась, запоминала. Незнакомые слова были такие сказочные, старинные, таинственные. Она чувствовала в это время, как у её ног разливается и бушует синее море, осыпая её брызгами волн, как шуршат платьями восхитительные красавицы, как скрипит под ногами «нетерпеливого коня» и искрится на солнце снег, который выпал «на третье, в ночь», обдувает её ветер, который называется сладким словом «зефир».

Ночной зефир

Струит эфир.

Шумит,

Бежит

Гвадалквивир.

Стихи похожи на волшебное заклинание...

Сказка закончилась тогда, когда Гончарова Полина пошла в школу. Она с удивлением обнаружила, что в её жизни всё складывается не так красиво, как в стихах

любимого поэта. Дело в том, что Полина была круглой отличницей, и она действительно отличалась от других, за что иногда ей и доставалось от одноклассников.

На панелях в её подъезде уже было написано «ГАНЧАРОВА ПАЛИНА ДУРА». Полю (Проверочное слово) больше всего возмутило не то, что она дура, а то, что ГАНчароваПАлина. Она не понимала, как в здравом рассудке, в возрасте семи лет можно делать такие глупые ошибки.

Сама Гончарова ошибок никогда не делала, очень она дружила с русским языком и обожала литературу.

Автор росписей был ей известен – это её одноклассник, мелкий белобрысый Андрюха Катенёв. Ей казалось, что и свою фамилию он пишет с ошибкой, так как она, должно быть, происходит от слова «кот».

В третьем классе Андрюха поздравил её с Днём Рождения, подписав ей открытку, которая гласила: «ПАЗДРАВЛЯЮ ЗДНЁМРАЖДЕНЬЕ. ЖЫЛАЮ ЩАСТЯ. МОЙ ТЕЛЕФОН 321223. ЦЫЛЮЮ А.» Этот «шедевр» для Гончаровой так и остался на долгие годы эталоном безграмотности и примитивности. Если б он только знал. А Александр Сергеевич в его возрасте уже учился в Царскосельском лицее и писал стихи в альбомы барышням!

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!

В четвёртом классе, устав с ним бороться, родители перевели Андрюху в спортивную школу, в другом конце города. Очевидно, там основная нагрузка делалась не на мозги, а на мышцы. Поначалу Полина обрадовалась, а потом с сожалением стала замечать, что её жизнь как-то опустела. Оказалось, что Катенёв вносил в неё какой-то особый колорит, придавал остроту и был необходим, как перчинка в пресном блюде.

К двенадцати годам Пушкин был прочитан Полиной Гончаровой «вдоль и поперёк». Волосы давно уже были коротко острижены, но именно сейчас услышанные в раннем детстве стихи стали всплывать в её сознании, окрашиваясь новыми красками и наполняясь смыслом. Это были уже не просто таинственные и загадочные слова, ловко уложенные в рифму. Каждый день она с радостью извлекала из глубин своей памяти новые и новые шедевры, примеряя на себя, как наряды из сундука. Повторяя любимые строки, она действительно чувствовала себя не по-современному нарядной, затянутой в тугий корсет из рифм и укутанной в дорогие шелка и бархат пушкинских аллегорий.

А как ей нравился сам Александр Сергеевич! И его чёрные кудри, и задумчивый взгляд с портрета работы Кипренского, и наклон головы в печальных раздумьях, и тяжёлые фалды плаща у скульптуры Аникушина! Но такого Пушкина знали все, а у неё

был свой, любимый, близкий, особенный. Он уже не был похож на того голубоглазого блондина из детства, хотя глаза и вправду оказались голубыми. Его образ повзрослел вместе с Полиной, оброс тёмными бакенбардами, а на шее появился острый кадык. А каким он был интересным собеседником, обладал тонким юмором и за словом в карман не лез. Как преданно он умел дружить, и талантливо, как никто другой, влюблялся в женщин, и как вдохновенно об этом говорил...

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали!
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

Да, её избранник должен быть именно таким! Эх, ей хоть бы раз на бал, хоть бы раз подержать в руках настоящий веер! Полина завидовала и А.П. Керн, и П.А. Осиповой, и Олениной, и всем калмычкам и черкешенкам, которым он посвящал стихи. А скольких он спрятал под звёздочками, которые стояли в начале многих его творений. Да, Полина опоздала ровно на двести лет!

Когда она читала его письма к жене, она, конечно, представляла на месте своей однофамилицы себя, с юношеским максимализмом осуждала её за то, что после смерти гениального супруга та вышла замуж.

Между тем окружение самой Полины Гончаровой было полно «Дантесов». Вот уж ей и четырнадцать стукнуло, а «друг сердечный» ещё не нашёлся, глазу зацепиться было не за кого.

Ровесники, у которых постоянно что-то «звонит» и которые постоянно что-то «ЛОЖАТ» друг на друга, предпочитали пропадать в интернете, чем интересоваться классической литературой. Гончаровой больно резало слух, когда одноклассники матерились или коверкали русский язык, язык, которым так виртуозно владел её любимый Пушкин, между прочим, воспитанный простой русской крестьянкой Ариной Родионовной.

Между тем, некоторые учителя самой Полины не утруждали себя склонением числительных, спряжением глаголов и правильной постановкой ударений. Учитель географии, которая считала себя культурным человеком, потому что с закрытыми глазами указательным пальцем левой руки могла показать на карте мира любую точку, однажды выдала: «ЛОЖИТЕ ПОЛЬТЫ на заднюю парту...»

У Гончаровой от ужаса перехватило дух. Она хотела было её поправить, но вовремя вспомнила рекомендации матери «не будить лихо», и теперь сидела молча, глотая воздух широко раскрытым ртом, как рыбка, выброшенная на берег. Полина привыкла поправлять своих одноклассников и исправлять их ошибки, на что постоянно слышала: «Да пошла ты! Какая разница!» Одноклассники считали её занудой, а учителя – «странной девочкой не от мира сего». И эта «странная девочка» упорно продолжала вести борьбу за чистоту русского языка, исправляла и поправляла, постоянно задавалась вопросами: «А как бы в этом случае поступил Александр Сергеевич?» или «А как бы он ответил этому хаму?» Только эта борьба напоминала борьбу с ветряными мельницами. У Полины болела душа за любую неблагозвучную рекламу, а всякая переписка в интернете буквально рвала сердце на части.

Гончарова чувствовала себя в полном одиночестве, так как рассказать об этом можно было только маме да коту, которого звали, конечно, Учёный. Учёный хоть песен не заводил и сказок не говорил, но выслушивал Полину молча, блеснул не по-звериному мудрыми глазами и считался у неё достойным собеседником.

Полина и сама не заметила, как к пятнадцати годам «заболела Пушкиным». Услышанные где-то краем уха стихи казались ей посланием от него, в минуты, когда было особенно тяжело, она как молитву читала «Талисман»:

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.
В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

...И постепенно всё становилось на свои места, сердце успокаивалось, оживала надежда на лучшее. «Дочка, да у тебя синдром Пушкина», - сказала ей мама. – «Я через это тоже прошла... Может, нас фамилия обязывает?»

Полина много читала, но только для того, чтобы сравнить эту литературу с пушкинским наследием. «Наше всё» всегда у неё оказывался на высоте и сравнения были естественно в его пользу. Она кругом искала его приметы и радовалась, когда их находила. В её школе на первом этаже стоял огромный бюст Александра Сергеевича, покрашенный белой краской, которую впоследствии заменили серебрянкой, чтобы закрасить матерные слова и всякие глупости, которыми его украсили особо злостные вандалы из младших классов. Когда никто не видел, Полина обнимала бюст за шею, гладила рукой гипсовые бакенбарды и шептала ему на ухо, жалуясь на жизнь и своё несоответствие времени, двадцать первому веку. Но он безмолвствовал, наверное потому

что и так больше других сказал при жизни. Да, их разделяли двести лет, и с этим уже ничего не поделаешь!

Между тем наступила пятнадцатая весна. Полина не поддерживала всеобщей эйфории по поводу этого времени года, да и Пушкин, хоть и написал: «С улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года», сам больше любил осень. Загрустила весной и Гончарова. Воздух вокруг неё наполнился чем-то новым, неизвестным и тревожным, ночью не спалось. «Какое томное волнение в моей душе, в моей крови!» - соглашалась в очередной раз Полина с поэтом.

Так в землю падшее зерно
Весны огнём оживлено.
Давно её воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь...

И не дождалась, как показалось Полине, если бы в её жизнь в очередной раз не вмешался Александр Сергеевич, вернее его 215-тый День Рождения.

Шестого июня, в пятницу, всех старшеклассников города собрали в сквере имени Пушкина на торжественную линейку, посвящённую 215-той годовщине со дня рождения великого поэта. Вокруг его памятника собралось много народу, все шумели и переговаривались между собой. Полине это не нравилось. Она считала его своим, родным, единственным, а тут столько чужих людей. На линейке Гончарова должна была читать «Брожу ли я вдоль улиц шумных», и ни капли не волновалась. Для неё читать вслух стихи Пушкина было так же естественно, как чистить зубы.

Все карты ей спутал представитель спортивной школы. Полина прищурила близорукие глаза – кого-то он ей напоминал.

Она в первый раз в жизни пропустила мимо ушей стихи, которые он читал – не вслушивалась, а всматривалась в него. В душе вдруг проснулось что-то давно забытое, из детства, то ли сказки, то ли принцы... Точно! Это Пушкин из её детства, вернее такой, каким она его тогда представляла, белокурый и голубоглазый красавец, похожий на сказочного принца и ещё на кого-то. Разволновалась, в душе смятенье чувств. «Брожу ли я» читала дрожащим голосом, и неожиданно для всех запнулась, уставившись куда-то в одну точку. «Пришла пора – она влюбилась...» - пронеслось у неё в голове. Полина после линейки уже готова была первая подойти к нему и познакомиться, но печальный опыт Татьяны Лариной удержал её на месте. Она уже собралась уходить, как услышала за спиной: «Гончарова, Польша! Не узнала?» Она обернулась, перед ней стоял её «принц», заслонив своими плечами всё, даже памятник Пушкину. У Полины подкосились ноги.

«Катенёв, ты?» - выдавила она из себя. «А то ж кто! Куда ты пропала, не звонишь, не пишешь...» «Катенёв, ты неисправим!» - сказала Полина тихо. На удивление самой себе сказала как-то не так, как в детстве, потому что её рука уже лежала в его широкой ладони и они шли по аллее Пушкинского сквера, заглядывая друг другу в глаза, которые светились новым для обоих чувством.

Он провожал свою «принцессу» домой, где ждала её мама – Наталья Гончарова и кот Учёный, готовый в очередной раз выслушать все её новости, на этот раз счастливые.